

Глава первая

Где-то, неизвестно где

Ветер завывал и бесновался. Продолжался прилив. В унисон с моими ожиданиями накатывали мощные волны и с неумолчным грохотом обрушивались на прибрежные скалы. Били по скалистому берегу так сильно, что, встретившись с ним, рывком отступали обратно в океан, яростно сталкиваясь со следующим табуном и образуя снопы кипящей пены. Захватывающее зрелище. Умиротворяющее. Разгул стихий неудержимо притягивал меня. Я мог прыгнуть в их гущу и навсегда исчезнуть. Наконец-то исчезнуть. Меня никогда не найдут, а если и найдут, то через несколько недель. На какой пляж выбросит мое тело? Не все ли равно. Неужели настал момент? Тот самый момент, которого я так долго ждал. Больше ничто меня не останавливало.

Ливень хлестал меня, а я хохотал. Это был горький смех. Все, я пришел. Шаг. Второй. Третий.

Я стоял на краю, готовясь упасть. Гибельная бездна звала меня. Закрыв глаза, я заставлял звучать музыку. Проигрывал в уме аккорды, которые уйдут вместе со мной. Мозг прокручивал мое последнее сочинение.

Вдруг передо мной возникло лицо Натана. Оступаясь, я отшатнулся от края, дыхание сбилось. Настолько, что я сложился пополам и оперся ладонями о колени. Как если бы долго бежал. Я испепелил взглядом бурю, начавшуюся слишком рано. Возмутился и наорал на нее. Она насмеялась надо мной. Ради него, Натана, я пока еще обязан устоять.

Натан — единственный человек на планете Земля, которого я должен защитить.

Спотыкаясь, я вернулся в дом.

В свой дом — подобие берлоги. Подобие западни. Но с бутылкой и таблетками я был вправе рассчитывать на не слишком скверную ночь.

Глава вторая

Где-то в другом месте

Пятничный вечер обещал быть хорошим — таким, как я люблю. Сплошной экспромт. Днем пришло сообщение от Сюзанны, моей старшей сестры: “Есть планы на сегодняшний вечер?” Я ответила: “Угадай!” Она: “Удачный или неудачный день?” Я: “Неплохой”. Она: “У тебя? С Анитой?” Опять я: “Буду рада”. Анита, средняя сестра, прорезалась через несколько минут: “Ты Васко позвала? Пусть займется ужином! Иначе не приду”. Я постучала в дверь соседнего кабинета, где сидел наш предполагаемый шеф-повар.

— Придешь вечером ко мне? Будут сестры... Решай сам, ты не обязан!

Васко послал мне одну из своих широких ласковых улыбок, всегда ободряющих, независимо от обстоятельств.

— Что у тебя есть в холодильнике?

Мое лицо приняло сокрушенное выражение, я пожала плечами: исчерпывающий ответ.

Он резко откатился в кресле и небрежно закинул руки за голову. Бросил на меня взгляд, в котором не было места иллюзиям, и помолчал, выбирая подходящую реакцию. Отчитать меня, словно школьный учитель нерадивого ученика? Или махнуть рукой и похихикать над моим легкомыслием? Я едва справлялась с рвущимся наружу смехом.

— Мадлен! — прорычал он. — Я уже предупреждал тебя: если ты и дальше не будешь питаться хотя бы относительно нормально, мне придется в конце концов поселиться у тебя!

Я сдалась и громко расхохоталась, тогда как Васко расстроено смотрел на меня, чего я предпочла бы не замечать. Из-за меня он переживал, и это было невыносимо. Я и раньше мучилась, если приходилось огорчать тех, кого люблю, а теперь это стало совсем нестерпимо. Но тут я ничего поделать не могла.

— То есть мы можем рассчитывать на тебя? — я надеялась, что вопрос прозвучал лукаво.

Вместо ответа он закатил глаза. Я выиграла.

Два часа спустя я с удовольствием наблюдала за Васко, безраздельно царившим на моей кухне. Он на свистывал, роясь в шкафах в поисках того, что сможет добавить к своим покупкам. Мне всегда нравилось следить за Васко, колдующим у плиты. Он был и оставался жизнелюбом, причем не просто гурманом и тем, кто всегда готов ловко откупорить по-

следнюю бутылку, а также все последующие. Он был истинным гедонистом, потому что обожал угощать гостей, с восторгом набрасывающихся на приготовленные им блюда, зачастую обильно сдобренные специями, но всегда невероятно вкусные. Васко получал огромное удовольствие, когда делился: я редко встречала настолько щедрых людей. На самом деле, из всех, кого я знала, таким был только он.

Я сидела за столом и любовалась им. Он пробовал свою стряпню, добавлял приправы, все перемешивал и при этом двигался в такт африканской музыке, которую лишь с натяжкой можно было считать танцевальной.

— Нальешь и мне бокальчик? — попросила я, заметив, что он отхлебнул из своего.

Он покосился на меня через плечо.

— Ты уверена?

— Не беспокойся, всего глоток — я намерена провести вечер не в постели и не согнувшись над унитазом.

Спустя несколько минут он сдался, сел рядом со мной, протянул мне бокал и без единого слова прикоснулся к нему своим. Тост был за мной, что случалось все чаще:

— За жизнь, Васко!

— Прекрати!

— Ни за что! Я даже повторю это еще громче, в полный голос! За жизнь! За нашу дочь!

Он отвел глаза и долгим поцелуем прильнул к моим волосам. Я улыбнулась, купаясь в его нежности. Никогда бы не поверила, что такое возможно,

но мой бывший муж и отец моей дочери был и всегда останется моим лучшим другом. Мы много лет не жили вместе, но при этом оставались неразлучными. И причина была не только в том, что мы управляли нашим общим туристическим агентством.

— Где она, кстати? — спросил он охрипшим голосом, вставая из-за стола. — Должна бы быть здесь.

Могло показаться, будто он исполняет роль строгого отца, но в действительности все было наоборот. В его интонации звучала нежность и бесконечная любовь, которую он питал к нашей дочке. Просто он пытался сбросить напряжение. Дочь была единственным человеком, на которого он не мог повысить голос. И для нас обоих это не было тайной.

— У нее намечилась вечеринка, и я уговорила ее пойти.

— Правильно сделала, Лизе необходимо передохнуть и развлечься.

— Я ей постоянно это твержу.

— Не сомневаюсь...

— Васко, посмотри на меня.

Он допил бокал, снова подлил себе вина и только потом подчинился.

— Все в порядке, да? — спросила я. — Мы хорошо, нет, даже прекрасно проводим время. И я хочу, чтобы все так и шло. У меня нет желания портить все бессмысленным и бесполезным спором. Если ты не согласен, я звоню сестрам, говорю, чтоб не приходили, и выпроваживаю тебя!

Он помотал головой, прогоняя дурные мысли, и снова заулыбался.

— Ну ты даешь! От тебя ничего не скроешь!

Наш обмен репликами прервал громкий стук открывшейся входной двери. Встречей сестер и их мужей можно себя не утруждать. Им хорошо известна дорога, и они знают, где нас найти. Сюзанна и Анита явились с охапками цветов, расцеловали меня, тут же занялись поиском вазы и поставили цветы в воду. Близнецами они не были, но их сходство позволяло это заподозрить. Достаточно было одной сделать движение, чтобы вторая тут же последовала ее примеру. Они понимали друг друга с одного взгляда. Они всегда все делали вместе и одинаково, несмотря на разницу в возрасте в полтора года. Ознакомившись с меню ужина, сестры наградили Васко одобрительным подмигиванием, затем уселись по бокам от своей младшенькой и защебетали. Зятя тоже расцеловали меня, после чего присоединились к нашему шеф-повару, нарушая его строгий запрет приближаться к плите. Дружба мужчин зародилась еще в годы учебы и пережила наш развод, что меня не удивляло. Я бы расстроилась, сложись все по-другому. Ни за что бы не разорвала узы, окрепшие задолго до моего появления в жизни Васко.

В двадцать пять лет я не представляла, что делать со своим настоящим и будущим. Диплом я не получила и после мрачного периода, длившегося два нескончаемых года, работала в родительском ресторане, не имея никаких амбиций и не понимая, кто я такая. Я ничего не ждала. Разве только, чтобы прошло время.

Сестры знали обо мне все: мои радости, беды, ошибки, успехи, сомнения и секреты. Они были моими подругами, наперсницами, временами врагами и заодно моими перилами и фундаментом. Они тогда вбили себе в голову, что обязаны вытащить меня из повседневной серости, в которую я сама себя загнала, и я терпела их непрерывные атаки. “Встречайся с людьми, находи друзей”, — постоянно твердили они. Я не сомневалась, что не устою против их натиска, и, когда они почти исчерпали терпение, все же покорилась и согласилась прийти на ужин к Сюзанне, куда были приглашены все их друзья. Я надеялась, что после этого они дадут мне временную передышку, и постаралась выглядеть как можно лучше.

Для дикарки, какой я тогда была, это обернулось серьезным стрессом — вдруг очутиться среди всех этих людей, незнакомцев, которые были увлечены своей работой, а некоторые из них к тому же составляли пары. Слишком мы были разными. Мне просто не находилось места в этой компании. Васко явился последним. Поцеловал всех присутствующих, включая меня, сказал: “Очень рад с тобой познакомиться, Мадлен” — и перешел к следующему гостю. Пока мы пили аперитив, я сидела, забившись в угол дивана, не раскрывая рта и только наблюдая за собравшимися, особенно за ним. Время шло, и постепенно я перестала видеть что-либо, кроме его улыбки, и слышала только его дружелюбные слова, которые он находил для каждого. Наши взгляды довольно часто встречались, и я уже не чувствовала себя такой

подавленной. Изумление от того, что мое сердце, оказывается, способно биться, едва не парализовало меня. За столом я сидела рядом с ним и спрашивала себя, что бы такое я могла ему рассказать.

— Не буду ставить тебя в неловкое положение, интересуясь, чем ты занимаешься, это дурацкий вопрос, который только действуют на нервы, — он наклонился ко мне. — С другой стороны, хотелось бы понять, что ты тут делаешь, если совершенно очевидно, что ты бы с удовольствием оказалась где угодно, только не здесь!

Пораженная, я посмотрела на него.

— С чего ты взял?

Он нервно запустил руку в свою шевелюру.

— Мне стало любопытно. Ты не похожа на остальных... Словно паришь над этим ужином, который, между нами, ничем не отличается ни от того, что был на прошлой неделе, ни от того, что будет на следующей.

Я засмеялась, найдя его слова остроумными, и подумала, что он обаятельный и к тому же, похоже, ничего не боится. Краем глаза я заметила, как сестры, удивленные моим смехом, обернулись ко мне. Я их хорошо понимала, я и сама удивилась. До последней минуты мне вообще было неизвестно, что такое смех.

— Они заставили меня прийти, — сообщила я ему, мотнув головой в сторону сестер. — Решила доставить им удовольствие.

— Но ты бы предпочла быть сейчас в другом месте...

Я робко кивнула.

— Где?

Я откинулась на спинку стула, Васко продолжал мне улыбаться, и я действительно была ему интересна.

— Куда бы я охотно переключалась? Надо собраться с мыслями... На другой конец света, например... Или для начала в какую-нибудь спокойную забегаловку на углу ближайшей улицы.

— Вот и хорошо, пошли!

— Ну что за ерунда!

— Я серьезно. Мне хочется поближе узнать тебя, причем поскорее, а ты не горишь желанием остаться здесь. Как, впрочем, и я, так что...

Он встал.

— Что ты делаешь?

— Пойдем?

Он протянул мне руку.

— Чего бы ты ни боялась, Мадлен, ложись на меня.

Не рассуждая и не паникуя, я взяла его за руку, а он осторожно сжал мою ладонь. Впервые за последние несколько лет я прониклась спокойствием, и мне стало хорошо. Мы сбежали, но гости не удивились и не обиделись. Со временем я выяснила, что Васко часто меняет планы, и к его манере все давно привыкли.

В тот момент никто не подозревал, что мы влюбимся, поженимся и родим дочку, но в конце концов поймем, что нам гораздо комфортнее оставаться лучшими друзьями, чем мужем и женой.

Поэтому очевидно, что сохранившаяся дружба между мужчинами нашей семьи не могла не радовать меня.

Весь вечер в моей квартире звучал смех, у всех было отличное настроение, и я купалась в этом простом счастье, даровом и лишенном притворства, несмотря на напряженные взгляды, которыми мои гости изредка исподтишка обменивались. Я копила на всякий случай их улыбки и взрывы смеха. Они все еще были моим топливом. И я больше всего хотела, чтобы мои улыбки и смех стали топливом для них. Они в этом нуждались. Но не я.

Время от времени я отстранялась и любовалась картиной, которую мы собой представляли. Все шло как надо, все было идеально.

Поразмыслив, я пришла к выводу, что все же сожалею об отсутствии на ужине моей Лизы.

Глава третья

Где-то, неизвестно где

Ночью бушевала буря, но я не закрыл ни одного окна. Броситься в самую ее гущу, раскинув руки, я не мог, но мне нужно было ощущать ее близость, она должна была окутать меня. Я не играл, а просто стучал по клавишам рояля, заставляя его выталкивать наружу мою ярость, я вопил и призывал ее.

Я проклинал саму планету, Господа и всех святых. Зачем они в очередной раз помешали мне положить этому конец? Выходит, жизнь шла, а я только и делал, что дожидался, когда она наконец закончится. Неужели я такой трус? Неужели я трачу свое время на поиск оправданий тому, что удерживает меня от последнего прыжка?

Постепенно я научился ценить боль, грызущую меня. Она была моей верной подругой и не покидала меня, даже когда я, как в эту ночь, накачивал себя алкоголем и лекарствами. Она никогда не ухо-